

Зиначка, махонькая, в ситцевом в синий горошек платице, сандаликах на босу ногу шла вместе со всеми, как взрослая. Волосы русые, глаза карие, большие, как у дорогой куклы, на щеках веснушки.

Зиначка шесть лет. Живут они с мамой в бревенчатом, уткнувшемся окнами в землю доме на Загородной улице, упирающейся в металлическую ограду старинного кладбища.

В первой половине дня по пыльной, как в тисках зажатой с обеих сторон домами и заборами улице, словно печальные корабли плыли похоронные процессии. Деревянные, обитые материей гробы везли на грузовых машинах с открытыми бортами, а ближе к кладбищу – несли на полотенцах. И всякий раз, едва слышав завывание духового оркестра, Зиначка выбегала из дома и пристраивалась к толпе.

От пробирающих до мурашек звуков на глазах девочки наворачивались слёзы. Зиначка старалась не плакать, но не получалось. Особенно когда прихрамывающий, нахохлившийся, как воробей, дядька ударял колотушкой по висящему на ремне барабану, бедная Зиначка вздрагивала, как от раската грома.

Вот и в этот раз, пройдя за ржавые кладбищенские ворота, боясь отстать, пропустить что-то важное, девочка пробралась к самому краю могилы и, притаившись мышкой, вслушивалась в причитания родных покойного.

Финалом печального действия был стук молотка, заколачивающего гвозди. Под этот звук в стремлении напомнить о себе завывали визгливые медные трубы, и Зиначка снова заплакала.

Седовласый военный погладил её по голове:

– Поплачь, поплачь – легче будет.

И Зиначка, представив, что её заколотят в деревянный ящик и закопают в землю, прижалась к военному и зарыдала в голос.

– С кем ты, девочка? – склонился над ней военный. – Где твои родители?

Вопрос, словно вспорхнувшая с могилы ворона на какое-то время повис в воздухе и висел до тех пор, пока дядька с барабаном не внёс ясность:

– Это Зиначка с Загородной улицы, – сказал он. – Она рядом с кладбищем живёт, всех покойников в последний путь провожает.

– Дурочка?

– Вроде бы нет, просто очень впечатлительная девочка.

Зиначка Юдина не любила школу, не любила учиться, не любила учителей, особенно женщин.

Единственным человеком, к кому она испытывала добрые чувства, был учитель химии фронтовик Александр Петрович Майоров.

Крепкий, широкоплечий, с зачёсанными назад смоляными волосами, Александр Петрович в конце уроков рассказывал фронтовые истории. Если бы не потерянная на войне нога, то он, наверное, мог бы сниматься

в кино или играть в театре. Ногу учителю заменял пристегнутый ниже колена деревянный протез, напоминающий тот, что скрипел в сказке о медведе с липовой ногой.

Зиночка жалела Александра Петровича и радовалась, когда он обращал на неё внимание, разрешал остаться после уроков, чтобы помыть пробирки или подмести в кабинете химии пол.

Одноклассницы считали Зиночку недоразвитой, но открыто смеяться побаивались: кто знает, что у неё в голове. И всё же из вредности донесли учителю химии, что Зиночка от него без ума.

– Юдина? – наморщив лоб, переспросил Александр Петрович и, тяжело вздохнув, перекрестился. – Пусть о своих двойках думает, а то на второй год останется!

Стоявшая в коридоре Зиночка всё слышала, и после слов учителя ей захотелось умереть.

«Вот умру, и Александр Петрович поймёт, что зря он так сказал, но будет поздно», – рассуждала Зиночка.

Придя домой, она решила вскрыть себе вены. Нашла в комодке лезвие для бритья, зажмурила глаза и со всей силой провела по руке. Кожа расползлась, потекла густая кровь. Зиночка испугалась, обмотала руку полотенцем и побежала к соседке, работавшей в больнице. Кровь остановили.

После случившегося Зиночка выбросила учителя химии из головы. А получив аттестат зрелости – и ненавистную ей школу.

Но от судьбы, как говорится, не уйдешь.

На работу Зиночку не брали. В отделе кадров швейной фабрики прямо сказали, что для получения профессии швеи-мотористки надо идти в ПТУ. На хлебозавод не взяли из-за несовершеннолетнего возраста. И после безуспешных хождений по предприятиям Зиночка устроилась в родную школу техничкой. И то благодаря матери, которая чуть ли не на коленях упростила об этом директора школы.

За десять промчавшихся лет Зиночка из девушки превратилась в тётю Зину.

Во время уроков она старательно, как матросы палубу, надраивала в коридорах паркетные полы, протирала пыльные подоконники, после занятий следила за порядком в раздевалке. И только во время большой перемены, когда ученики штурмовали заманчиво пахнущий котлетами буфет, тётя Зина закрывалась в комнатке под лестницей, ведущей на второй этаж.

В полутёмном, с перегоревшей лампочкой помещении хранились старые вёдра, сломанные швабры и веники, а на чугунной батарее сохли пахнущие хлоркой тряпки. Разложив на газете принесённые из дома продукты, Зина обедала, прихлёбывая из большой эмалированной кружки горячий чай.

Среди школьных уборщиц тётя Зина была самой молодой и прыткой. Без стеснения, коленкой под зад, выгоняла из туалета куривших второгдников, не позволяла ребятам играть в «трясучку», одёргивала носящихся по школе первоклашек. И получила прозвище Резиновая Зина.

– Резиновую Зину купили в магазине! – веселились пятиклассники, показывая техничке язык. – Резиновая Зина измазалась в грязи!

Тётя Зина выскакивала со шваброй – мальчишки разбежались.

Хорошо помню, как однажды после уроков я пришёл в раздевалку и вместо купленного мамой серого в чёрную крапинку пальто, в котором я ходил только в школу, увидел такое же, но поношенное, с оторванными пуговицами.

Других похожих пальто в раздевалке не было.

– Чего ждём? – торопила тётя Зина.

– Это не моё пальто, – мямлил я.

– Да, твоё поновей было, – задумалась техничка. – Но всё равно надевай!

– Не надену! Это пальто Серёжки Разуваева.

– Вот и пойдём к Разуваеву меняться пальтами – он недалеко живёт.

И мы с тётей Зиной пошли. Пальто поменяли, и я, счастливый, побежал домой.

Эту забытую историю мы с Зинаидой Ильиничной, восьмидесятилетней старушкой, вспомнили, случайно встретившись на кладбище.

Я её сразу узнал. И она – меня.

Ещё теплилось приветливое бабье лето, но сентябрь уже обрывал начавшую чернеть и сохнуть листву. Жёлтые листья, кружась, сыпались на землю, словно собирались прикрыть её до заморозков цветным покрывалом.

Зинаида Ильинична наводила порядок на почти сравнявшихся с землёй могилах родственников, выдирала сорную траву, сгребала мусор.

– Бог в помощь! – сказал я, поздоровавшись.

Зинаида Ильинична разогнулась и, радуясь встрече, предалась воспоминаниям.

Рассказала, как маленькой девочкой, пока мать была на работе, ходила на кладбище провожать покойников, как всякий раз плакала, и все её жалели. А теперь никто её не пожалеет, никому она не нужна.

– У меня здесь все близкие лежат, – вздыхала Зинаида Ильинична. – Все Юдины. Бабушка с дедушкой, два дедушкиных брата, пришедшие с войны инвалидами, мама. Тут и меня рядышком с ними похоронят, места хватит.

На днях я узнал, что Зинаиды Ильиничны не стало.

Но похоронили её на новом кладбище в двадцати километрах от города.

Похлопотать, чтобы старушке выделили место на старом кладбище, куда Зиночка проводила не один десяток горожан, оказалось некому.